

О.М. Фишман

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НАЗРЕВШИЕ ПРОБЛЕМЫ
(доклад на заседании круглого стола «Полевые исследования:
итоги, проблемы, перспективы»)***

В выступлении затрагиваются актуальные проблемы организации и методики полевых исследований: повторные полевые исследования, методика работы с информантами разного возраста и с нерусским населением, этические аспекты полевой работы, проблема верификации знания, влияние личности информанта и этнографа-полевика на получаемую информацию, вопрос влияния исследователя на изучаемое население.

Уже давно назрела необходимость дискуссии по вопросам организации полевых исследований, в частности, многолетних комплексных экспедиций, в которых участвуют специалисты разных дисциплин. Это позволяет изучать народную культуру во всей полноте, фиксировать и пытаться понять закономерные явления, которые не доступны для познания и интерпретации методами одной науки.

В начале хотелось бы уделить внимание проблеме выбора места исследования. При полевой работе в одном месте на протяжении длительного времени важную и весьма глубокую информацию дает знание семейно-родовых связей, структуры семейно-родственных отношений. Таким образом точнее восстанавливаются внутригрупповые, социальные связи, ролевые функции, система лидерства, иерархическая соподчиненность и смена форм лидерства. В ходе многолетних поездок в одни и

* Круглый стол по проблемам полевых исследований проходил 20 марта в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург). См. обор на с.

те же места мы имеем возможность наблюдать смену поколений, которая происходит буквально на наших глазах, и фиксировать изменения характера и объема специальных знаний. И тогда вместо множественного знания, которое получаешь, работая в разных местах и сравнивая данные, ты фокусируешься на тех немногих, с кем ты работаешь постоянно, и высвечиваешь очень интересные вещи. Именно так можно восстановить различного рода династию – от ремесленников до знающих, колдунов, т. е. тех, кто является хранителями традиции. Особенно важно это в тех районах, о которых мы сегодня говорим: полиэтничных и поликонфессиональных. Приведу несколько примеров. Мы оказались в деревне в первый раз, а это была одна из немногочисленных деревень, огороженных забором, то есть она имела границу, четко выраженную. Когда мы подошли к границе, деревенские бабы высыпали на улицу и стали вести себя достаточно агрессивно. Особенно одна из женщин – она буквально пыталась от нас откупиться. Выглядело это следующим образом: она хватала с изгороди первые попавшиеся глиняные горшки, которые на ней сушились, и давала нам, все время повторяя: «Не надо! Не надо! Пускай не входят! Пускай не будет их здесь!». Странным было поведение этой женщины, – я, во всяком случае, в первый раз с таким столкнулась. Через два года, во время моего повторного приезда в эту деревню, уже после смерти этой женщины, выяснилось: она была колдунья, из очень известной семьи, и она фактически была хранителем этого места, и таким образом она пыталась препятствовать вторжению чужих людей в то пространство, которое она контролировала. Но узнала я об этом, повторяю, спустя длительное время. Вместе с тем, работа в одном месте имеет, конечно, свои недостатки. Происходит замыкание в одном кругу информации, тем, людей, и хотя это ведет к углубленному изучению, но ведет и к привыканию. И многие вещи ты уже перестаешь замечать, поэтому, наверное, полевой этнограф должен выезжать в разные места, чтобы иметь возможность взглянуть на предмет своего изучения с разных точек зрения, которые подсказаны конкретной полевой ситуацией в том или ином регионе. Тогда можно увидеть какие-то общие тенденции, общие явления – и какие-то особенные черты той культуры, которую ты изучаешь.

Теперь о методике работы с информантами. На этом я хотела бы остановиться подробнее, потому что сегодня многие этнографы, особенно молодые, которые имеют возможность познакомиться с западноевропейскими методиками, причем перебирая их у тех исследователей, которые работают здесь, на территории России – столкнулись с той стороной полевой работы, о которой мы раньше, честно говоря, не очень задумывались. Это то, что можно назвать «этикой отношений» между исследователем и населением, информантами. Мне кажется, что не стоит увлекаться этими западноевропейскими методиками, потому что западные исследователи, приезжая сюда, работают все равно как иностранцы, даже с хорошим знанием русского языка и с хорошим знанием источников, – а мы все равно свои, по сравнению с ними, потому что мы работаем у себя на родном языке, в родной стихии, которая сформировалась на протяжении десятилетий, даже столетий. И эта, многолетней давности, полевая картина не известна западноевропейским исследователям, потому что они тогда не имели возможности выезжать сюда. Им не с чем сравнивать.

В числе этических проблем называют, например, такую: позволительно ли нам, что называется, обманывать информантов: не объяснять им цель нашего исследования, как бы скрывая от них, что мы собираемся делать с их рассказами. Важно

это или нет? Ведь мы приезжаем как сторонние наблюдатели, — конечно, мы замечаем то, что, может быть, для них самих незаметно, но может характеризовать эту группу с не очень хорошей стороны. К тому же мы часто собираем информацию интимного или эзотерического свойства, — ведь нас иной раз предупреждают и просят: «Не записывай! Не скажу, если ты будешь записывать это на магнитофон!». А мы все это с радостью и докладываем, и описываем, и упиваемся всяческими подробностями, — то есть в данном случае наши информанты выступают как «дартители информации», а мы, видимо, какие-то правила действительно нарушаем. Я думаю, что в данном случае каждый исследователь сам должен чувствовать, что дозволительно опубликовывать, делать достоянием научной общественности, а что нет. Хотя, конечно, у нас в стране нет официальных запретов, — сейчас их нет. Но, может быть, мы к этому придем лет через тридцать? Во всяком случае, следует присмотреться, возможно даже, не к тем довольно спокойным районам, в которых работаем мы у русских, у финно-угров Северо-Запада, а, допустим, к районам Закавказья, Средней Азии, где твоим информантом может оказаться человек другой веры, других политических взглядов, и ты не всегда испытываешь пиетет к тому, что он говорит, к его позиции.

Еще мне бы хотелось сказать немного о том, какие существуют способы у нас, у каждого, кто выезжает давно, налаживания отношений — с местными властями, и, конечно, с самими людьми. Мне кажется, что здесь тоже важно не переигрывать и не подстраиваться под них, изображая «своего», потому что это всегда чувствуется, всегда видно и вызывает, надо сказать, негативную оценку после того, как ты уезжаешь. Наверное, каждому из нас доводилось сталкиваться с такой ситуацией: приезжаем, а до нас уже кто-то был. И вот о них-то все начинают рассказывать, как они себя вели. А смотришь почти как в зеркало. Мы должны помнить о том, что они тоже наблюдают и тоже делают свои выводы — причем не только о нас конкретно, а вообще о тех, кто к ним приезжает и с ними работает.

На чем же строятся наши способы достижения взаимопонимания? Насколько мы должны доверять получаемой информации, как мы ее верифицируем? Вот несколько примеров. Я специально выезжала к своим карелам на Крещение. В первый же день пришла в дом к своим знакомым, и, естественно, начала с того, что поздравила с праздником. Дальше ничего говорить было не нужно. Я записала полтетради воспоминаний о Крещении, о святочных ряженьях, о гаданиях, и это был поток, к которому подключались приходившие соседки. Или другой пример. Здесь уже говорилось, что мы опрашиваем людей определенной возрастной категории и стремимся работать с как можно более пожилыми людьми. Это неправильно, конечно. Иногда удается вдруг услышать какого-то ребенка или подростка, который, живя рядом с бабушкой или дедушкой, знает то, что этот пожилой человек мог уже забыть. У меня таких примеров много, назову только два. Я познакомилась с девочкой четырнадцати лет, это было у тверских карел, и она была приемной в семье, то есть чужой, неродной. Но ее взяли в довольно раннем возрасте, и она воспитывалась все время бабушкой, «знакшей», этой «знакшей» было тогда семьдесят девять лет, и то, что она помнила, она, как заученное, повторяла. Девочка ее поправляла, вспоминала то, что забыла она — и, надо сказать, тоже уже оценивала себя не совсем, как ее сверстницы.

Или другой пример: этом году в экспедиции с нами была наша лаборантка Оля Юрчак и у нее сложились свои отношения с людьми более молодого возраста. В

доме, где мы жили, был внук, Ванечка — хулиган, как бабушка про него говорила, «даже в туалет на мотоцикле ездит». И вот когда прошло какое-то время нашего там проживания и общения его с Олей (а он к ней проявлял явный интерес), рядом с моими материалами на столе оказалась его тетрадка. Это были стихи, в том числе на карельском языке. Мне бы в голову не пришло спросить — потому что мне казалось, что языком уже не владеет молодежь. Оказывается — пожалуйста. Собственного сочинения стихи: о любви, о девушках, о родных местах — он коренной человек, он не променяет свои «забелинские тропки» ни на какие Тихвины и Ленинграды.

И еще в продолжение темы возраста. Это то, с чем тоже все сталкиваются: в определенном возрасте у наших информантов происходит так называемая актуализация памяти. И поэтому те сорокалетние, мимо которых мы сегодня можем пройти или, беседуя с ними, убедиться, что они малоинтересны для нас, могут через двадцать лет оказаться очень интересными информантами.

Другой пример, связанный с темой общения. Мы сейчас все с этим сталкиваемся: приезжая в деревню, мы иной раз можем часами выслушивать рассказы о сегодняшней ужасной их стариковской жизни. Свернуть с этой темы бывает крайне трудно. Есть разные приемы. Предлагаю один. Я задала такой вопрос бабушке: «Ну ведь говорят же, что человек, который до восьмидесяти лет живет, — он уже заживает чужой век?» — она сразу же подхватила эту тему. Переключаются, совершенно другая тональность появляется в разговоре, они начинают показывать свое приготовленное «смертельное», обсуждать, кто из соседей, подруг, сверстниц — кто как уходил, как собирался, и разговор идет уже совершенно в другом ключе, который интересует меня: о похоронной обрядности.

Конечно же, когда работаешь в одном и том же месте, очень помогает и знание местной истории: имен, родственных связей, — потому что иногда человек не может сразу вспомнить — вы же сразу вываливаете на него все, что вам нужно. Попробуйте такой ход: «А помнишь, вот в той деревне — она была..», — и это помогает человеку лучше понять свою задачу.

Теперь о том, что касается верификации знаний. Вот только один случай, на который я обратила внимание, готовясь к сегодняшнему выступлению. Это та ситуация, когда мы работаем в старобрядческой среде, то есть среде книжной, где источником знания зачастую, поскольку они всегда были грамотными, была книга. Не только религиозная книга — любая книга. Например, рассказывает мне пожилой человек об истории своего места о происхождении карел: «Мы раньше все были вместе: финны, эстонцы, карелы, калмыки, молдаване..» Я его останавливаю: «Это как, объясните?» Он говорит: «Так я ж в книге прочел». Или: дочь известной староверки, разговариваем о грехе. И она излагает такую сентенцию, достаточно простую, ясную, христианскую, что некрещеным быть грех. Я спрашиваю, а как воспитывали, бабушка, мама — как? «А я, говорит, прочла об этом в журнале "Айболит"». И третий маленький пример. Тоже семья потомственных «знакиш», сестры, враждующие друг с другом, хотя скрывающие это. Поэтому они соревнуются между собой, зная репертуар каждой. И более молодая рассказывает мне какой-то конкретный пример лечения. Я слушаю ее и думаю: «Ведь до боли знакомая и информация, и словесное ее оформление». Я спрашиваю: «Это что, у вас так было принято в деревне?» — «А мне же книжку из Ленинграда привезли, писателя Даля».

Еще хочется сказать об особенностях работы с нерусским населением — особенно о том, что касается языка. И вот эта грустная картина — мы не знаем языков, это наша беда, и приходится общаться по-русски с пожилыми людьми, у которых в результате того, что они выучили русский язык уже в позднем возрасте, к старости происходят такие явления макаронизма, — они путают все на свете, мужской и женский род (у всех наших финских народов это происходит) — а у них плохо с русской речью вообще. Они волнуются, и такое впечатление, что этот человек просто не может быть твоим информантом, потому что то, что он говорит, вообще нельзя перевести ни в какую запись. В этих случаях иной раз помогает не только твое хорошее знание местной истории, но хотя бы терминологии на местном языке. И человек сразу успокаивается, иногда этого бывает достаточно, чтобы он сказал: «О-о! Ты же знаешь, наш язык знаешь!» Это облегчает им общение, и тогда они могут в свою русскую речь вставлять карельские слова, — тем более что это те слова, которые в сегодняшней речи уже не употребляются, потому что об этом уже не говорят.

В старообрядческих селах, где почти в каждом доме есть книги (если не книги, то Книга), можно попросить почитать вслух — и ты вдруг сталкиваешься с таким феноменом двуязычия или даже троязычия, когда, не зная или плохо владея русским языком, они начинают прекрасно читать текст, с правильными интонациями, которые они слышали когда-то давно, с детства усвоенными от наставниц.

У нас в Ленинградской области есть несколько другое явление. Обычно ведь как — ты приезжаешь, вокруг тебя люди и ты их всех опрашиваешь. Но кто работал с ингерманландскими финнами, знает, что начиная с девяностых годов, когда значительное число уехало или ушло из жизни, идет поиск хоть какого-нибудь одного информанта, который не только владеет информацией, но и согласится с тобой беседовать. Потому что так велика и сильна память о предыдущих десятилетиях, когда быть финном было страшно, признаваться в этом — тоже, опасно было чужому доверять такие вещи и вообще участвовать в опросе, опрос раньше был только один, в тридцатые и пятидесятые годы: тебя опросили, а потом выслали. То же самое можно сказать об эстонских переселенцах в Ленобласти. И, кстати, поскольку сельских жителей уже не осталось, можно переключаться на стационарную работу в городе. А это уже другая категория информантов, потому что многие во втором-третьем поколении городские люди, грамотные, многие с высшим образованием, вместе с тем, владеющие семейными архивами, с которыми они никогда не расставались. И отчасти эти семейные архивы и даже дневники стали теперь собственностью нашего музея, и там можно увидеть удивительно интересные вещи.

В заключение хочу сказать о личности информанта и самого исследователя. Важно как можно более полно охарактеризовать информанта — не только чтобы точнее провести интервью или интерпретировать полученную информацию. То, о чем мы сегодня говорили, — эти замкнутые этноконфессиональные общины или какие-то любые другие замкнутые общины — тоже представляют особый интерес. Старообрядчество — это такая культура, в которой личность занимает очень важное место, типы личностей довольно иерархично расположены, соотносимы друг с другом: это религиозные лидеры, мистические типы лидеров, это «знающие» и, на мой взгляд, каждая из этих категорий представляет особый интерес для изучения, потому что это «базовые типы личностей» общины.

Но не менее важна и личность исследователя. Потому что наше поведение, индивидуальные знания, опыт работы налагают отпечаток на то, каким образом мы собираем, анализируем, интерпретируем материал. Наши повторные полевые работы иной раз существенно меняют наши представления о том, что мы видели, допустим, пять лет назад: мы приезжаем снова, работаем с теми же людьми, но по-другому видим, по-другому слышим. Я хотела бы здесь процитировать уважаемого мной протоиерея Флоровского, который писал о том, что для понимания прошлого историку необходимо «вчувствование» в имеющиеся документы и свидетельства. «Следовательно, личность истолкователя входит как составная часть в самый процесс интерпретации, равно как в разговоре необходимо два собеседника, чтобы получился диалог двух "правд", разных, но равноправных сознаний – исследователя и объекта исследования».

Другой аспект проблемы диалога информанта и исследователя – вопрос влияния исследователя на изучаемое население. Мы сами иной раз выступаем для местных жителей как источник знаний и хранители их памяти. Мой пример: похороны одной женщины, все стоят и молчат. Я знаю, что раньше в этот момент пели. Насыпают холм, ставят в баночке цветы – я не удержалась: «Что же Вы крест-то не начертали?» – мужчина, стоявший у могилы, воскликнул: «Ой!» – побежал, начертил крест (как положено по обычаю). Правильно ли я сделала, что вмешалась? Иной раз между исследователем и информантом возникает дискуссия, касающаяся достоверности обсуждаемого (особенно, когда работа идет на протяжении многих лет с одними и теми же информантами).

Личность полевого исследователя, как правило, отсутствовала и отсутствует в наших работах, и только сейчас мы признали, что она «сама по себе представляет большой интерес для последующих поколений» [1, с. 139; 3, с. 4]. Такой поворот в нашем осознании собственной профессиональной деятельности связан с постепенным переходом от «стратегии объективизации» как единственно верной, которой мы придерживались до недавнего времени согласно идеологическим установкам, к «возвращению человека» в отечественную науку. Представляется важной мысль А.Я. Гуревича, высказанная им в предисловии к сборнику «Человек и культура: Индивидуальность в истории культур»: «Посредством рассмотрения индивида, личности автора приближаются к постановке проблемы индивидуальности каждой из культур, которые выбраны ими в качестве предмета изучения» [2, с. 4].

Тесно связан с этой проблемой и вопрос о публикации полевых исследований, точнее жанре этих публикаций: аналитические статьи и/или очерки субъективно-описательного характера. Наши московские коллеги видят начало нового жанра в изданном в 2001 г. сборнике «Очерки экспедиционного быта в Закавказье»; на прошлом круглом столе (2002 г., ИЭА, Москва) были предложения о расширении рамок публикации полевых текстов, а также очерков об организации и методике проведения экспедиций, в которых «акцентировалось внимание к условиям жизни и работы исследователей в поле». «З.П. Соколова призвала фиксировать в полевых дневниках и тетрадях все детали полевых выездов и поддержала идею развития особого жанра этнографических публикаций – описания путешествий и путевых впечатлений исследователя» [1, с. 138].

Напоследок хотелось бы посоветовать молодым: не уставайте повторять свои вопросы. И вообще почаще спрашивайте: а что это, а почему, даже если вы уже

однажды получили ответ. Через 7 лет я не только услышала, но и увидела Карсикю 2002 г. «Сердитое» или «плачущее» озеро. Так же неожиданно для себя узнала, что гроб-колода назывался «гробоахушко». Иной раз деликатная просьба сфотографировать божницу и семейные фотографии может дать очень интересные результаты: например, обнаружится, что в Новый завет вложено свидетельство о крещении внучки и тексты заговоров на карельском и русском.

1. Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Круглый стол «Полевые исследования в этнологии и антропологии» //Этнографическое обозрение. 2002. № 5.
2. Гуревич А.Я. Предисловие // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры / Сб. ст. Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1990.